

К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ЖАНРОВ АДЫГСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

В статье ставится и предлагается решение одной из актуальных задач адыгского (черкесского) и кавказского эпосоведения, жанровое и функциональное разграничение двух основных разновидностей героического эпоса. В частности, признавая одним из важнейших критериев характер отношения к действительности, предлагается конкретно обратить внимание на существенные различия в системе условностей той и другой разновидности эпоса, а особенно — на характер художественного осмысления явлений. Обращается внимание на то, что данный фактор оказывает значительное влияние на структуру эпического текста и на его художественный язык. К изучению привлекается обширный фактический материал из архивных источников и научных публикаций фольклора. Сделанные выводы имеют обобщающий характер и значимы в целом для общей теории эпоса.

Ключевые слова: героический эпос, функции, формальные признаки, мотив, сюжет, композиция.

Как известно, историко-героический эпос в адыгском фольклоре определяется не по какому-либо основному жанровому признаку, а по совокупности существенных особенностей, что отмечается исследователями, которые затрагивали в своих трудах данную тему¹. Прежде всего, в плане формальном это *лиро-эпические песни* и *прозаические повествования*, и уже здесь заключена одна из серьезных проблем: тем самым в единую жанровую группу объединяются произведения двух разных форм бытования – прозаической и песенно-поэтической, которые связываются между собой общей темой и на этой основе образуют бинарный цикл. Правда, певческая, декламационная и повествовательно-прозаическая формы отмечаются и в нартских циклах, и это было отмечено еще первыми собирателями. Однако в плане функциональном прозаический и поэтический тексты в историко-героическом эпосе и эпосе архаическом принципиально различны, что нами было ранее отмечено². К данному жанру принято относить по содержанию циклы широкого тематического диапазона – о борьбе с внешними врагами, о подвигах отдельных героев, о богатырском или «молодеческом» соперничестве наездников, о межфеодалных распрях и столкновениях, а также о случаях из обыденной жизни всего общества или же отдельных личностей. Некоторые мотивы и сюжеты могут порою быть весьма далекими от подлинно эпического духа. Благодаря связи с конкретными реальными событиями и явлениями в системе младшего эпоса, которые в событийном плане гораздо более разнообразны, нежели стандарты мифо-фольклорных нарративов эпоса о нартах, значительная часть сюжетобразующих компонентов и формирующихся вокруг них сюжетов характеризуются оригинальностью и многообразием, что значительно обогащает общий тематический диапазон жанра. Однако некоторые циклы образованы на мотивы и сюжеты, которые

уже стали универсальными и отмечены в фольклоре и литературе разных народов не только кавказского ареала, но иногда и различных регионов всего мира. Так, популярны некоторые мотивы, известные в фольклористике и литературоведении под условными названиями «эдипов комплекс» (например, цикл Боры Могуچهго³), «война богов с титанами» (цикл князя Лежероко⁴), «уничтожение всех мужчин рода или фамилии» (цикл вдовы Жансоховых⁵) и т.п.

Несмотря на общее обозначение, помимо песен и преданий подлинно историко-героического характера в данную группу циклов входят по формальным жанровым признакам также произведения, возникновение которых прямо не связано с подвигами, воинскими походами. Их жанровая идентификация обусловлена комплексом признаков, в их числе единой поэтикой и стилистикой песен и сказаний.

Наряду с термином *историко-героический эпос* традиционно употребительны также иные обозначения данного жанра: *исторический эпос*, *героико-исторический эпос*, *героические песни и предания*, *поздний эпос*, *младший эпос*. Подобный разноречивой не всегда следует считать свидетельством недостаточной разработанности терминологии или путаницы какого-либо иного рода. Как правило, каждое из приведенных понятий мотивировано контекстом, в котором оно употребляется, хотя, надо признать желательность более строгого упорядочения в сфере терминологии. Скорее всего, речь может идти о том, что сам рассматриваемый предмет как явление народной культуры необычайно многогранен, поэтому выбор того или иного обозначения не всегда оказывается произвольным, а в большинстве случаев он бывает продиктован тем ракурсом, в котором рассматривается то или иное конкретное явление и на котором хочет акцентировать внимание исследователь. Во всяком случае, использование разных терминов не разрушает целостного представления о сущности самого понятия.

Исследователи отмечают очевидную преемственную связь между двумя жанровыми разновидностями фольклора адыгов, нартскими сказаниями и циклами младшего эпоса, что можно признать полностью соответствующим действительности. В то же время, историко-героические предания и песни, относимые по типу к младшей разновидности, которую исключительно для удобства в употреблении терминов принято обозначать как отдельный эпос, весьма не однородны как по стилистике, так и по тематике. Здесь представлены песни, посвященные памятным сражениям, песни героически величальные в честь конкретного героя или же события, в котором проявило себя сразу большое число воинов (по определению Султана Хан-Гирея — «песни многих мужей»⁶), песни мемориальные, сложенные, чаще всего, или в память о важных для всего общества событиях (больших сражениях, нашествиях жестоких врагов), или о погибших воинах. В одном ряду с ними оказываются произведения более личного характера, это величальные песни-плачи, посвященные погибшим, или песни-сетования от лица лирического героя, в том числе песни-плачи и песни очистительные (по классификации З.М. Налоева⁷), а также порою песни любовно-лирические, смеховые сатирические или шуточные. Соответственно, и предания, входящие в единый цикл вместе с песнями, могут быть по своей тематике различными, и всё это рельефно проявляется в стилистике повествования. В то же время, объединяясь под «крышей» одного жанра или жанрового образования, значительное число тематически разнородных, но стилистически достаточно близких друг другу произведений существенно раздвигает доминирующие утвердившиеся в сознании представления о данном жанре адыгского фольклора.

Коренные отличия названного фольклорного феномена от типично архаического эпоса о богатырях-нартах, архаического по многим своим характеристикам близкого к типу, обозначаемому термином «классический эпос», потребовали бы более обстоятельного разбора. Здесь же, в связи с нашей задачей, будет достаточно обратить внимание хотя бы на одну из представляющихся важными особенностей, по которым различаются две разновидности жанра или же, по мнению

некоторых исследователей, два разных жанра народного героико-эпического эпоса адыгов. Как не однажды было отмечено, основной источник мотивов и сюжетов нартских сказаний – это мифология, вернее, система представлений, актуализируемая в устойчиво функционирующих устных нарративах или же устойчиво сохранявшихся обрядовых церемониях, которые свойственны язычеству или же своими истоками восходят к нему. Это никак не означает, что мы рассматриваем каждое сказание старшего эпоса как прямолинейно облеченная в поэтическую форму иллюстрация к этнически маркированной мифологической системе. Но совершенно определено, что фактически с самого своего зарождения основой чуть ли не всякого эпического нарратива из числа сюжетов архаического характера служит именно опосредованный характер связи его событийной основы с действительностью, но никак не опора на конкретные явления, воспоминание или упоминание о которых запечатлелись в фантастических образах, порожденных осознанно мобилизованным творческим воображением или конкретного песнетворца, или всего народа. То же относится и к эпическим этнонимам, и к части нартской топонимики, которая должна трактоваться не иначе, как органическая часть системы, выстроенной эпическим мировосприятием. Это и позволяет считать эпическое время «Нартов» отстраненным, абстрагированным от реального времени, а персонажей и пространственные ориентиры (сюда резонно отнести фактически всех персонажей, а с ними большинство топонимов, ойконимов, гидронимов, описаний местности, кроме того и мифо-эпические этнонимы) в значительной мере дистанцированными от реальной действительности или откровенно вымышленными. В этом причина того, что пространственно-временные атрибуты архаического эпоса определяются как своего рода «островные», не имеющие однозначных прямых линейных связей с миром, в котором обитают обычные люди, определяемые в представлении адыгов расхожим понятием «цӀыху цӀыкӀу» – *маленький человек, маленькие люди*. Там же, где эти связи все же обозначаются, они нередко оказываются иллюзорными, условными, иначе — мифическими. Без сомнения, мир древних эпических сказаний имеет свои каналы связи с реальностью, но эта связь все же настолько условна и опосредованна, что можно говорить о дискретности или «островном» характере представлений о пространстве и времени как о типическом признаке «Нартов». Это – одно из родовых свойств данного явления фольклор не только у адыгов, но и других народов Кавказа.

В поэтической системе младшего эпоса отношение к действительности принципиально иное: многие события и персонажи, упоминаемые или описываемые в нем, имеют свои событийные или осязаемо предметные параллели в исторической действительности, хотя с точки зрения эстетической и песни и даже связанное с ней предание (иногда несколько преданий), будто бы призванное «комментировать песню, чаще всего тяготеют отнюдь не к фактологии, а к осознанно художественному отражению действительности – в полном соответствии с системой условностей, свойственной данной системе устного бытования. В сказаниях нередко встречаются утверждения о том, как определенное событие или история с тем или иным человеком не просто явились толчком к созданию песни, но даже стали причиной прямого «заказа» на ее сложение, сделанного осознанно, даже в соответствии с уже существующей традицией. Песнетворцы-джегуако только «принимали» и меньшим или большим успехом выполняли такой заказ, который мог исходить от всего общества, от рода или фамилии, от конкретного заинтересованного лица. Это одна из причин того, что в фольклорной памяти сохранились имена подлинных или же легендарных авторов тех или иных известных народных песен, о чем пишут и многие исследователи (См., напр., комметарии к многим песням в сборниках, составленных З.П. Кардангушевым⁸, который считал своим долгом в публикациях текстов отмечать данную особенность как существенное явление). Справедливее будет сказать, что в данном жанре обычно органически

сочетаются реальность, отраженная в сознании народа через призму ее художественного осмысления (например, вражеское нашествие, битва, подвиг или судьба конкретного героя, гибель знатного воина и пр.), и те эстетически аккумулярованные образы, возникновение которых имеет своей основой сознательные художественные опыты самих песнетворцев-джегуако.

При первичном же ознакомлении с фактическими материалами оказывается очевидным, что старший эпос опирается чаще всего на мифо-фантастические с точки зрения современного человека представления, архаическая природа которых не вызывает сомнений, а младший – на подлинные факты действительности или же на такие сюжеты, существование событийной основы которых не менее, чем вероятно в реальном мире, если и не может быть локализовано во времени и пространстве с указанием реальных личностей.

Если обратиться к вопросам поэтики, то именно по этой причине в сознании непосвященного слушателя может возникнуть вопрос, вызываемый данным обстоятельством: не допустимо ли, что первый из названных типов эпоса, который представляется наиболее абстрагированным от конкретности, способен дать гораздо больше свободы воображению и потому не представляет ли он собой более высокоорганизованный продукт поэтического воображения, нежели второй, требующий от песнетворца соблюдения правды факта, а порою сложенный специально для занесения на скрижали конкретного события или личности в коллективной памяти? С точки зрения элементарной логики постановка такого вопроса, конечно же, представляется вполне правомерной, если исходить из принципов так называемого здравого смысла. Но в данном случае следует учитывать, что фантастические образы нартских сказаний это, чаще всего, явления синкретического плана; если позволительно так выразиться, это продукты отнюдь не осознанного художественного творчества, стоящего в прямой оппозиции *правда – вымысел* или *искусство – не искусство*, а какая-то своя особенная, отстраненная от обычной реальности и в определенной степени «охудожествленная правда», правда фольклорная, а сказать точнее – *эпическая*. При том, что всякое явление, преломленное сознанием через призму искусства, по своей природе обретает полифункциональность, оно так же имеет собственную систему условностей, в малой или большой степени специфическую, представляет собой совокупность характерных типических сюжетов и образов. В героико-исторических песнях и преданиях такой особенностью можно считать то, что атрибутика и конкретная предметная оболочка всякого мотива это в большинстве своем результаты аккумуляции конкретного факта эстетической системой, форма осознанно *художественного* отражения действительности: джегуако как песнетворец, а вернее, как профессиональный автор произведения, запечатлевает явление не с историографической точностью, а представляет его поэтическую интерпретацию, функционально призванную «задокументировать» факт. Но все же происходит это по законам искусства, то есть в образах, подчиняемых определенным эстетическим критериям. Есть немало наглядных примеров того, как реальное событие и даже этические оценки явлений и поступков преподносятся песенным текстом иногда в принципиально ином ракурсе, по-своему интерпретируя, конкретные образы и целые события, поскольку у поэтического творчества свои собственные законы и стандарты⁹. И это принципиально отличает их от сказаний архаического эпоса, так как ам подобного рода проблема даже не может быть поставлена, так как и события, и персонажи, и время действия, и даже отчасти пространство дистанцированы от реальной действительности.

Событийной основой цикла младшего эпоса может послужить и только что свершившееся явление, оказавшее впечатление на песнетворца, и услышанный рассказ о только что произошедшем событии, и, что не исключено иногда, явление из сравнительно далекого прошлого, пробудившее творческие силы эпического

певца. Но осмысление первопричины всегда предполагает ее аккумуляцию в эстетическом поле художественного творчества. Иными словами, творцы и хранители обеих разновидностей эпоса могут с одинаковым успехом живописать те или иные явления, при этом объективные художественные достоинства могут быть более выраженными как в одном, так и в другом произведении – независимо от стадийного статуса. Но в одном случае это *живописание* происходит, скорее всего, спонтанно, произвольно, без осознанно художественного осмысления фактов и явлений, а в другом – вполне сознательно, как результат заданного творческого процесса, то есть сочинения песни как явления культуры в ее широком понимании, в данном случае – в сочетании словесно-музыкального искусства с квази-историей. Согласно мнению фактически всех авторов, которые писали об адыгском историко-героическом эпосе, исследователи единодушны в том, что одной из наиболее частых ситуаций возникновения песни является сознательное сложение песни по следам того или иного общественно значимого явления (нередко общество в той или иной форме вменяет это в обязанность песнетворцам); позднее или же одновременно с этим в фольклорный обиход инкорпорируется прозаический компонент цикла – рассказ о событии, героях или об отдельном герое. Генезис же архаического эпоса способен привести и наверняка приводит не к историческому событию или реальной личности, а к формам объективации мифа – представлению, доминирующему на стадийно выделяющемся этапе эволюции сознания, обряду, ритуалу с магической функцией во главе угла. За текстом сказания нартского эпоса нет ни реального, ни гипотетического конкретного лица его создателя, который может именоваться автором данного повествования и от которого произведение пошло впоследствии в устный обиход. Из этого следует, что, как это ни представится невероятным, в природе не существовало того предполагаемого исходного инвариантного текста, от которого с течением времени и в результате устной природы веером пошло впоследствии варианты. Резонен вывод, что сказание никогда специально «в один присест» не сочинялось, что особенно важно, а формировалось спонтанно, в течение относительно продолжительного времени продуктивной жизни, с течением времени поступательно, в ходе изустной трансмиссии обретая ту форму, в какой она дошла до собирателей фольклора и до исполнителей, по времени близких к нам.

Песня же историко-героического плана чаще всего сочиняется специально и сознательно, причем не анонимным автором и с совершенно определенной практической целью – запечатлеть явление, важное с точки зрения общества или же отдельной личности. Делается это, как правило, в соответствии с заданной практической целью и с идейной установкой – запечатлеть в сознании современников и донести до потомков в «художественно-документальной» форме то или иное важное явление, обычно имеющее важное значение для всего общества. Связанное же с ним предание рождается обычно как правдивое (или якобы-правдивое) повествование о событии, а возможно целой цепи взаимосвязанных событий, линейно выходящих к действительности. Видимо, подобное различие определяет и многие другие особенности, очевидные в сюжетике, поэтическом языке и структурных особенностях двух основных разновидностей героического эпоса.

Примечания

1. Алиева А.И. Историко-героический эпос адыгов и его стадийная специфика. Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 139–151; Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 2018. 248 с.; Хут Ш.Х. Историко-героический эпос адыгов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2005. 164 с.

2. Готов А.М. Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: КБИГИ, 2009. С. 7. 226 с.

3. Адыгэ пшынальэ. Зэхэзыльхьар КъардэнгъушI З. (Адыгская мелодия / сост. З. Кардангушев). Налшык: Эльбрус, 1992. С. 74–75. 224 с. (На кабард. яз.); *КъардэнгъушI Зырмаыку*. Тхыгъэ кыхэхэхэр. (З.П. Кардангушев. Избранные труды). Налшык: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. (На кабард. яз.). С. 321–324. 756 с.; Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. С. 344–351. 488 с.

4. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. Отд. 3; Народные песни и инструментальные... Т. 3. Ч. 2. С. 304–307; Адыгэ пшынальэ... С. 58, 205.

5. Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжхэмрэ. Зэхэзыльхьар Шортэн А., Елберд Хь., ЩоджэнцIыкIу Iэ. (Кабардинские песни, пословицы и поговорки / сост. Шортанов, Х. Эльбердов, А. Шогенцуков). Налшык: Къэбэрдей къэрал тхыль тедзапIэ, 1948. 196 с. (На кабард. яз.). С. 66–68; Адыгэ пшынальэ. С. 120–121, 205.

6. *Султан Хан-Гирей*. Черкесские предания. Русский вестник. СПб., 1841. Т. II. № 5. С. 292–377.

7. *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 128–158. 498 с.

8. Адыгэ пшынальэ, 1992; Народные песни... 1990 и мн. др.

9. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые особенности адыгского эпоса. Нальчик: Изд-во КБГУ, 2013. С. 84–89. 219 с.

ABOUT THE DIFFERENTIATION OF THE GENRES OF ADYGHE NATIONAL EPOS

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, Professor, chief researcher of the sector of Adyghe (Circassian) folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

On the analysis of specific folklore material in the article is posed and solved relevant for the Adyghe (Circassian) eposology problem of genre and functional differentiation of the two main varieties of the heroic epic in the folklore of Circassians. In particular, recognizing one of the most important criteria of the nature of the relationship to reality, it is proposed specifically to draw attention to significant differences in the system of conventions of both the epic variety, and especially – the nature of the artistic interpretation of the phenomena. The author draws attention to the fact that this factor has a significant impact on the structure of the epic text and its artistic language. The study involves extensive factual material from archival sources and scientific publications of folklore. The conclusions are generalizing and are significant for the General theory of the epic.

Keywords: the heroic epic, function, formal features, style, plot, composition.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-119-124